

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД. ГЕНЕРАЛ, НАЧИНАЙТЕ С НУЛЯ

Виолетта Весна

Развод. Генерал, начинайте с нуля

<https://litres.ru/74297912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Генерал Андрей Бессонов сам предложил развод и был уверен, что снова все решил правильно. Он уже выбрал престижную работу в Москве, подготовил раздел имущества и отвел жене удобное место в своей новой жизни — отдельно от него.

После двадцати четырех лет брака Арина не просит мужа остаться. Она сохраняет свое кадровое бюро и впервые строит планы, не подстраивая их под служебные назначения Андрея. Но вскоре его фамилия появляется среди кандидатов на руководящую должность, отбор на которую проводит именно ее компания.

Арина обязана отстраниться и защитить репутацию бизнеса. Андрей должен доказать, что способен работать без звания, связей и права командовать. А обоим предстоит понять, что останется между ними после честного развода.

У их старого брака нет будущего. Но у двух свободных людей может появиться второй шанс — если генерал действительно готов начать с нуля.

Содержание

ГЛАВА 1. Решение за двоих	4
ГЛАВА 2. Цена удобства	16
ГЛАВА 3. Один месяц	28
ГЛАВА 4. Без удостоверения	40
ГЛАВА 5. Фамилия в списке	51
ГЛАВА 6. Право на отвод	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виолетта Весна Развод. Генерал, начинайте с нуля

ГЛАВА 1. Решение за двоих

Я думала, Андрей назовет дату отставки. Вместо этого он предложил мне развод.

Он сделал это в пятницу вечером, на нашей кухне, между закрытым ноутбуком и папкой, которой там раньше не было. Я заметила папку сразу. За годы работы с руководителями привыкаешь видеть, кто пришел обсуждать вопрос, а кто принес готовое решение. Андрей сел напротив, выровнял край папки по краю стола и только после этого посмотрел на меня.

— Мой последний служебный день — девятое октября, — сказал он.

Я ждала продолжения. Шесть дней. Через шесть дней его тридцатилетняя служба должна была закончиться, а мы все еще не знали, что будем делать дальше. Полгода Андрей отвечал на мои вопросы одинаково: сначала нужно дождаться приказа, потом поговорим. Приказ, как выяснилось, уже су-

ществовал.

— Хорошо, — ответила я. — Теперь можем поговорить?
— Для этого я и приехал раньше.

Он был дома с половины седьмого. Для Андрея это действительно считалось раньше. Обычно я слышала ключ в замке после девяти, иногда ближе к полуночи. Ужин давно перестал быть семейным событием: я ела, когда возвращалась из бюро, ему оставляла контейнер в холодильнике. Сегодня я купила рыбу и собиралась запечь ее к восьми. Рыба осталась в бумажном пакете на нижней полке.

Андрей открыл папку.

Первым лежал лист с логотипом московской компании. Ниже были указаны должность советника по корпоративной безопасности, дата выхода, оклад и компенсация аренды. Я прочитала первую страницу до конца. Андрей не торопил меня.

— Ты согласился? — спросила я.

— Предварительно. Окончательный договор подпишем после моего увольнения.

— Когда начались переговоры?

Он задержался с ответом на несколько секунд. Не потому, что забыл. Андрей никогда не забывал даты переговоров.

— В июле.

— Три месяца назад.

— Да.

— А предварительное согласие ты дал когда?

— В прошлый четверг.

Я снова посмотрела на лист. В прошлый четверг мы ужинали здесь же. Андрей спросил, как прошла презентация для «ВолгаКонтура». Я сказала, что клиент утвердил методу конкурса и мы подписываем приложение к договору. Он кивнул, доел салат и ушел отвечать на звонок. В тот день он уже знал, что собирается в Москву.

— Ты хотел сообщить после увольнения?

— Я хотел сначала решить все вопросы.

— Решил?

Он положил ладонь на вторую часть папки.

— Думаю, да.

Там был список имущества. Квартира, два банковских счета, брокерский счет, его машина, моя доля в «Составе». Напротив каждого пункта стояла короткая пометка. Квартиру — мне. Машину — ему. Деньги предлагалось разделить. Возле бюро было написано: «Арина, без претензий».

Последним лежал лист с заголовком «Соглашение о расторжении брака». Ниже не было юридического текста, только шесть пунктов, составленных Андреем. Сохранить уважительные отношения. Не вмешивать Ксению. Не обсуждать причины публично. Имущество разделить без суда. Расходы на оформление поделить пополам. Подать совместное заявление в течение двух недель.

Я дочитала и вернула лист на место.

— Это и есть разговор о нашем будущем?

— Арина, я не хочу снова ставить тебя перед переездом.

— Поэтому решил убрать меня из задачи?

— Ты ясно сказала, что не оставишь бюро.

— Я сказала, что не перееду в Москву сейчас. Ты спросил об этом один раз, в машине, когда мы опаздывали в аэропорт. Я ответила, что не могу закрыть офис из-за идеи, которой ты сам еще не мог назвать. После этого мы к теме не возвращались.

— Что изменилось бы от еще одного разговора?

В его голосе не было раздражения. Андрей задавал вопрос честно, и от этого мне стало особенно ясно, насколько поразному мы понимали слово «разговор».

— Мы могли бы обсудить два города. Срок твоего контракта. Мой график. Возможность приезжать по выходным. Могли бы решить, что не хотим так жить. Но это было бы наше решение.

— Брак на расстоянии тебе не нужен.

— Ты откуда это знаешь?

— Я знаю тебя двадцать пять лет.

— Тогда должен знать, что я не люблю, когда за меня отвечают.

Он отвел взгляд к окну. Во дворе медленно разворачивалась машина доставки, водитель дважды сдавал назад, освобождая проезд. Андрей проследил за ней, потом снова посмотрел на меня.

— Я вижу, чего тебе стоили наши переезды.

— Сейчас увидел?

— Не сейчас. Давно.

— И решил, что лучший способ возместить мне четыре переезда — организовать пятый без меня.

Он снял очки, которыми пользовался для мелкого текста, и положил рядом с папкой.

— Я не хотел просить тебя еще раз отказаться от своей жизни.

— А спросить, какую жизнь я хочу, не захотел.

На этот вопрос ответа у него не было. Он мог возразить, что я сама отказалась, мог напомнить о десятках разговоров, в которых я жаловалась на его отсутствие, мог сказать, что мы давно живем рядом только по расписанию. Все это было бы правдой. Но ни одна из этих правд не объясняла папку, собранную без меня.

— Есть другая женщина? — спросила я.

Андрей не вздрогнул и не оскорбился. Просто ответил:

— Нет.

— Была?

— Нет.

— В Москве тебя кто-то ждет помимо работодателя?

— Нет.

Я поверила. Не из доверчивости. За двадцать четыре года я знала, как Андрей скрывает служебные сведения: он менял формулировки, обозначал границу и прекращал разговор. Сейчас он ответил прямо. Кроме того, другая женщи-

на сделала бы ситуацию проще. Злость получила бы адрес, а развод — объяснение, которое можно пересказать подруге в трех предложениях.

У нас было другое. Муж не изменил мне. Он просто составил новую жизнь, в которой моего имени не оказалось, и принес ее на согласование.

— Почему развод? — спросила я. — Можно жить отдельно и оставаться в браке.

— Для чего?

— Это вопрос, Андрей, а не ответ.

Он сцепил пальцы. На правой руке осталось кольцо. Свое я тоже не сняла.

— Мы почти не видимся. Ксения живет отдельно. Твоя работа здесь, моя будет в Москве. Если один из нас встретит человека, с которым захочет быть, формальность не должна мешать.

— Ты уже об этом думал?

— Я думал о последствиях.

— Конечно.

Он нахмурился.

— Что означает это «конечно»?

— Что ты опять начал с последствий, миновав людей.

— Я как раз думаю о тебе.

— Нет. Ты думаешь, как не чувствовать себя виноватым, когда уедешь. Оставляешь мне квартиру, обещаешь не трогать бюро, освобождаешь от верности человеку, который сам

выбрал другой город. Все правильно, аккуратно и без моего участия.

— Я не освобождаю тебя от верности.

— В твоём списке есть пункт про будущие отношения.

— Там нет такого пункта.

— Ты произнес его только что.

Андрей провел ладонью по лицу и откинулся на спинку стула. Он выглядел уставшим. Раньше я бы спросила, сколько часов он спал, разогрела ужин, перенесла неприятный разговор на выходные. Я уже собиралась встать: за годы этот порядок действий стал привычным. Осталась сидеть.

— Чего ты хочешь от меня сегодня? — спросила я.

— Чтобы мы обсудили это спокойно.

— Мы обсуждаем. Какой результат тебе нужен?

— Я предлагаю подать совместное заявление и оформить раздел без конфликта.

— Когда?

— В течение двух недель.

— Почему не завтра?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Тебе не нужно время?

— Тебе понадобилось три месяца, чтобы подготовиться.

Мне ты предлагаешь две недели на реакцию. Не называй это временем для меня.

— Я могу уйти сейчас, если тебе нужно побыть одной.

— Это твой дом. Пока еще.

— Арина.

— Я согласна на развод.

Он замолчал. Впервые за вечер готовая последовательность дала сбой. Приоткрыл рот, но ничего не сказал, и я не стала заполнять паузу.

— Ты уверена? — наконец спросил он.

— Нет. Уверенность обычно появляется после разговора, которого у нас не было. Но я согласна принять твоё предложение буквально.

— Я не хотел, чтобы ты отвечала сразу.

— Тогда зачем принес документы?

— Это не документы. Черновик.

— Черновик решения.

Я закрыла папку и придвинула к нему.

— Завтра я поговорю с юристом. Квартиру и бюро мы не будем делить по твоим пометкам. Закажем независимую оценку всего, что входит в общее имущество. После этого обсудим варианты.

— Я не претендую на «Состав».

— Устное обещание не защищает ни меня, ни Ларису. И оно не отменяет того, что доля создавалась в браке.

— Я могу подписать отказ.

— Юрист скажет, что именно можно подписать. Не ты.

Он принял замечание без спора. Взял очки, убрал их в футляр, но папку оставил на столе.

— Квартиру я действительно хочу оставить тебе.

— Мы оценим ее вместе с остальными активами.

— Тебе придется платить мне компенсацию, если считать формально.

— Значит, буду платить.

— Это неразумно.

— Возможно. Зато это будет мое решение.

Андрей встал и прошел к окну. В последние годы я редко видела его без цели: обычно он шел за телефоном, открывал ноутбук, отвечал на сообщение. Сейчас он просто остановился у подоконника.

— Я не собирался тебя обманывать, — сказал он.

— Ты и не обманывал. Ты не спрашивал.

— Если я сейчас скажу, что мы можем отложить...

— Ты хочешь отложить?

Он повернулся ко мне.

— Я хочу, чтобы ты не принимала решение из злости.

— Я злюсь. Но решение принимаю потому, что твое предложение точно описывает наш брак. Ты решаешь, я приспосабливаюсь. Если я сейчас попрошу тебя остаться, мы сохраним ту же систему. Только в этот раз я сама соглашусь на нее вслух.

— Я никогда не требовал, чтобы ты приспосабливалась.

— В этом и проблема. Ты не требовал. Ты сообщал обстоятельства, а я делала так, чтобы мы могли в них жить.

Он сел обратно, но папку не открыл.

— Я думал, мы справлялись вместе.

— Мы справлялись. Это не означает, что вместе решали.

Слова прозвучали спокойнее, чем я ожидала. Мне не хотелось бросать чашки, кричать или перечислять все случаи за двадцать четыре года. Любой список был бы неполным, а Андрей начал бы отвечать на каждый пункт. Мы могли провести за этим ночь и утром остаться там же: с его должностью в Москве и моей работой в Самаре.

— Где ты будешь жить до оформления? — спросила я.

— Здесь, если ты не против. У меня последний рабочий период, потом сниму квартиру.

— В кабинете есть диван. Я не готова спать с тобой после сегодняшнего разговора.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Общие расходы пока оставим как есть. После консультации разделим текущие платежи. Ксении сообщим вместе, когда поймем, где каждый будет жить.

— Согласен.

— И еще. Не говори никому, что оставляешь мне бюро. Оно не твое, чтобы оставлять. Мы оформим раздел по закону и договоренности, но слова имеют значение.

— Понял.

Андрей поднялся, взял папку и направился в кабинет. У двери остановился.

— Ты будешь ужинать?

Вопрос был таким обычным, что я почти рассмеялась. Он

редко спрашивал меня об ужине. Обычно было наоборот.

— Позже.

— Я могу приготовить рыбу.

— Можешь. Для себя.

Он постоял еще секунду и вышел.

Я открыла ноутбук. Нашла номер Виктории Шумиловой, с которой мы однажды работали по партнерскому соглашению, и написала ей: «Нужна консультация по разводу и разделу имущества. Есть доля в ООО, квартира, счета, машина. Общих несовершеннолетних детей нет. Когда сможете принять?»

Она ответила через пять минут: «Завтра в одиннадцать. Пришлите список документов, которые есть на руках».

Я создала новую папку на компьютере и назвала ее «Раздел». Потом открыла таблицу семейных расходов. Ипотеку мы закрыли три года назад. Коммунальные платежи уходили с моего счета, страховка квартиры — с его, продукты покупала в основном я, крупные траты согласовывали в переписке. Наши деньги давно имели разные источники, но мы продолжали обращаться с ними как с одной массой, которую никто не считал до конца.

Из кабинета донесся звук выдвинутого дивана. Андрей действительно остался там.

На кухне лежал лист, который выпал из папки. Список документов: паспорта, свидетельство о браке, выписки со счетов, документы на квартиру, устав «Состава». Внизу его по-

черком стояла дата — третье октября.

Я перевернула лист и написала на чистой стороне:

«До двенадцати прислать полный перечень активов и обязательств. Ничего не переводить и не переоформлять без взаимного уведомления».

Положила записку у двери кабинета. Раньше я добавила бы: «Рыба в холодильнике, не забудь поесть».

На этот раз не добавила.

ГЛАВА 2. Цена удобства

Виктория Шумилова начала не с вопроса о причинах развода. Она попросила выписку из реестра недвижимости, документы на долю в бюро и даты крупных покупок.

Я сидела напротив нее в небольшом кабинете с одним окном во двор. На столе лежал мой паспорт, свидетельство о браке и список активов, который Андрей прислал в одиннадцать сорок две. К сроку он отнесся серьезно. В таблице были счета, ценные бумаги, квартира, машина, моя доля в «Составе» и остаток потребительского кредита, который мы взяли два года назад на ремонт кухни. Я сама забыла, что последний платеж будет только в январе.

— Общих несовершеннолетних детей нет, оба согласны?

— уточнила Виктория.

— Вчера были согласны оба. Сегодня я могу отвечать только за себя.

— Заявление уже подали?

— Нет.

— Тогда процедура отдельно, имущество отдельно. Если взаимное согласие сохранится, подаете совместное заявление в ЗАГС и приходите на регистрацию через установленный срок. Имущество можете разделить до или после этого. Ваш бизнес требует внимательной оценки.

— Андрей говорит, что не претендует на долю.

— Хорошо, что говорит. Плохо, если вы решите, что этого достаточно.

Мне понравилось, что она не улыбнулась и не стала хвалить мужа за благородство.

— Что нужно оформить?

— Сначала понять состав и стоимость имущества. Потом решить, кто что получает и нужна ли компенсация. Соглашение о разделе удостоверяет нотариус. Я подготовлю вашу позицию и проверю проект, но не стану обещать результат до выписок и оценки.

— Доля оформлена на меня. У Ларисы сорок процентов, у меня шестьдесят.

— Когда зарегистрировали общество?

— Восемь лет назад.

— В браке. Вклад делали из каких денег?

— Из наших накоплений. Точнее, из денег, которые лежали на моем счете, но в браке.

— Значит, стоимость вашей доли нужно учитывать. Речь не о том, что ваш муж станет партнером и начнет ходить на собрания. Вы можете сохранить долю, а он получить другие активы или компенсацию. Но сначала оценка.

Я знала это в общих чертах. Мы сами не раз объясняли клиентам, почему устная договоренность между партнерами не заменяет документы. Однако чужой бизнес и свой брак включали разные способы мышления. Вчера Андрей сказал,

что не будет претендовать на «Состав», и часть меня сразу записала вопрос в решенные.

— Квартиру он предлагает оставить мне.

— На каком основании?

— Считает, что мне так будет удобнее.

— Это ответ о намерении. Меня интересуют цифры.

Она открыла мою таблицу.

— Квартира куплена восемь лет назад за девять миллионов. Текущая цена может быть около пятнадцати, но нужна оценка. Машина мужа куплена в браке. Накопления общие, даже если счета открыты на разных людей. По бюро оценщик посмотрит активы, обязательства, прибыль и зависимость компании от вашей личной работы. Не соглашайтесь на цифру, полученную умножением выручки на красивый коэффициент.

— У нас почти нет материальных активов. Но есть долгосрочные договоры.

— Поэтому и нужен специалист, который понимает услуги.

Виктория составила перечень документов и назвала два оценочных бюро. Одно могло проверить недвижимость и автомобиль, второе работало с долями в компаниях. Общая цена услуг оказалась неприятной, но посильной.

— И последнее, — сказала она. — Пока вы не согласовали раздел, не выводите деньги из общества сверх обычных выплат, не продавайте имущество и сохраняйте переписку.

Это относится к обоим супругам.

— Андрей не станет прятать активы.

— Возможно. Правила нужны не только потому, что люди обязательно обманут. Они не позволяют через месяц спорить о том, кто что понял.

Я записала формулировку. Не для суда, а для себя.

После консультации я приехала в офис раньше, чем планировала. По субботам мы работали редко, но Лариса согласилась встретиться. Она сидела в переговорной с двумя чашками и распечатанным календарем проектов на квартал.

— Ты сказала, что вопрос касается доли, — начала она.

— Я подготовила партнерское соглашение и устав.

— Андрей предложил развод.

Лариса отодвинула чашку.

— Вчера?

— Да.

— Он уходит к кому-то?

— Нет. Уходит в Москву на новую работу. Считает, что брак на расстоянии нам не нужен.

— А ты что считаешь?

— Что решение уже принято без меня. Поэтому я согласилась.

Она посмотрела на меня дольше, чем смотрела бы на клиента. Потом спросила:

— Что от меня нужно сейчас?

Лариса умела дружить без немедленного вторжения. За

восемь лет партнерства мы пережили два ее переезда внутри города, мой затяжной спор с крупным клиентом и кассовый разрыв, после которого три месяца выплачивали себе только минимальную зарплату. Она знала, что помощь лучше начинать с вопроса.

— Дать оценщику документы по компании. И вместе решить, что будем делать, если моя доля станет предметом спора.

— Андрей хочет ее получить?

— Говорит, что нет.

— Но стоимость доли войдет в раздел.

— Да.

Лариса открыла устав.

— Передать долю третьему лицу без соблюдения преимущественного права он все равно не сможет. Но нам не нужен даже временный спор, пока идет контракт с «ВолгаКонтуром». В понедельник свяжусь с корпоративным юристом. Скажем только то, что нужно для защиты общества.

— Я не хочу, чтобы офис обсуждал мой развод.

— Офис и не будет. Бухгалтеру понадобится запрос для оценщика, юристу — документы. Остальным ничего.

— Спасибо.

— Не спеши благодарить. Если придется выкупать стоимость доли, это ударит по твоим личным деньгам. Если из-за этого ты начнешь забирать из оборота больше, ударит по нам обеим. Я хочу видеть план.

— Сделаем три сценария.

— Вот теперь узнаю управляющего партнера.

Я усмехнулась.

— Вчера она согласилась на развод за сорок минут.

— Значит, сегодня у нее есть работа.

Мы провели два часа за цифрами. На счетах общества было достаточно денег на зарплату и налоги, но декабрьская выплата прибыли зависела от этапа по «ВолгаКонтур»». Если бы я отказалась от распределения, могла направить личный доход на компенсацию. В худшем сценарии пришлось бы отложить ремонт второй переговорной и не нанимать младшего консультанта зимой. Это было неприятно. Катастрофы не было.

— Ты останешься в квартире? — спросила Лариса, когда мы закрыли таблицу.

— Андрей так решил.

— Я спросила, что решила ты.

Я посмотрела на строку с расходами. Коммунальные платежи, страховка, обслуживание машины, продукты. Квартира была удобной: двадцать минут до офиса утром, отдельная комната для Ксении, нормальная парковка. Я выбирала ее вместе с риелтором, Андрей приехал только на второй просмотр и одобрил. Восемь лет я считала это нашим домом. За одну ночь он не стал чужим.

— Хочу остаться, если смогу рассчитаться честно.

— Тогда считай.

Мы договорились встретиться с корпоративным юристом в понедельник. Лариса ушла первой, а я еще час проверяла договор с оценщиками. Когда вернулась домой, Андрей работал в кабинете. На кухонном столе лежала распечатанная опись с его подписью.

— Я внес кредит на ремонт, — сказал он, выйдя на мой шум. — И счет, который открыл на имя Ксении пять лет назад.

— Если счет принадлежит ей, он не наш актив.

— Формально вкладчик я, она получит деньги в двадцать пять.

— Тогда покажем юристам. Ксении пока ничего не говорим, пока не поймем статус.

— Согласен.

Он был в домашней футболке и брюках. Рубашки висели на спинке кресла в кабинете, рядом стояла дорожная сумка. Андрей редко ходил дома в таком виде днем. Обычно даже по субботам надевал рубашку, если ждал рабочий звонок.

— Я заказала оценку квартиры, машины и доли, — сообщила я. — В понедельник пришлю тебе договоры. Расходы пополам.

— Долю оценивать необязательно. Я готов оформить все на тебя.

— Мы уже обсуждали это.

— Я уточнил у юриста. Можно включить в соглашение, что доля остается тебе.

— Можно. Но ее стоимость все равно влияет на общий баланс.

— Мне не нужна компенсация за твою работу.

— Доля создана на общие деньги.

— Основную ценность создала ты.

Он сказал это без нажима. Вчера мне хотелось услышать от него именно такую фразу. Сегодня она не решала вопрос.

— Ценность создавали одиннадцать человек, — ответила я. — И Лариса. Оценщик учтет зависимость от нашей работы. Но мы не будем выбирать удобную цифру, чтобы ты мог чувствовать себя щедрым, а я — обязанной.

— Я не хочу, чтобы ты была обязана.

— Тогда давай оформим все так, чтобы ни у кого не осталось права напоминать об одолжении.

Андрей сел за стол и просмотрел договор оценки недвижимости. Он читал внимательно, подчеркивая ногтем строки с датами.

— Осмотр квартиры во вторник в десять. Ты сможешь?

— Перенесу совещание.

— Не нужно. Я буду здесь.

— Это общее имущество. Я хочу присутствовать.

— Хорошо. Тогда в десять.

Он поднял глаза.

— Ты записала нас в ЗАГС?

— Я посмотрела доступные даты. Совместное заявление можем подать в понедельник через центр, если соберем до-

кументы, или прийти в среду лично.

— Лично надежнее.

— Для чего?

— Чтобы сразу уточнить порядок.

— Порядок опубликован. Но в среду у меня окно с десяти до двенадцати. Можем прийти к десяти.

— Подходит.

До недавнего времени меня успокаивала его способность быстро договариваться о времени и месте. Сейчас я слышала в ней отсутствие вопроса, нужен ли сам шаг. Впрочем, я тоже не предложила отложить.

— Где ты собираешься жить? — спросила я.

— Нашел три варианта рядом с управлением. Посмотрю завтра.

— Ты уходишь до последнего служебного дня?

— Если подпишу договор аренды, перееду в понедельник или вторник.

— Хорошо.

— Ты хочешь, чтобы я ушел раньше?

Я могла сказать «да» только потому, что мне было больно видеть его вещи в кабинете. Могла сказать «нет», потому что после его ухода квартира стала бы непривычно тихой. Оба ответа были бы попыткой управлять ощущениями, а не бытом.

— Я хочу знать дату, — сказала я. — Мне нужно понимать, какие расходы мы делим и когда ты заберешь вещи.

— Сообщу после просмотра.

— Не сообщишь. Согласуешь.

Андрей отложил договор.

— Хорошо. Согласую.

Мы открыли банковские приложения и выписали регулярные платежи. Коммунальные услуги оставались на мне. Страховку квартиры до конца года уже оплатил Андрей. Расходы на продукты с понедельника каждый нес сам. Кредит за кухню продолжали платить пополам до раздела. Ксении мы переводили по пятнадцать тысяч в месяц на курсы английского: эта сумма сохранялась, но каждый переводил свою половину напрямую.

— Зачем напрямую? — спросил Андрей. — Можно оставить с общего счета.

— У нас нет общего счета. Есть твой, с которого ты переводил деньги, и мой, с которого я платила остальное. Мы просто называли это общим.

Он открыл вкладку с переводами.

— Тогда я буду отправлять ей пятнадцать тысяч, а ты уменьшишь будущую компенсацию.

— Нет. Мы договорились по семь с половиной. Иначе ты снова принимаешь решение за меня под видом удобства.

— Арина, речь о семи с половиной тысячах.

— Именно. Если мы не можем выполнить простое соглашение на небольшой сумме, нотариальное на миллионы нам не поможет.

Андрей посмотрел на меня, потом перевел Ксении семь с половиной тысяч. Я сделала то же самое. Через минуту от нее пришло сообщение в семейный чат: «У вас новая бухгалтерия? Получила два перевода».

Мы оба прочитали.

— Нужно сказать ей, — произнес Андрей.

— После подачи заявления и договора аренды. Чтобы ответить на ее вопросы, а не сообщить половину решения.

— Согласен.

Я убрала телефон. В семейном чате над сообщением Ксении висела фотография с прошлого Нового года: мы втроем на кухне, Андрей режет пирог, я держу тарелки. Хороший вечер. Настоящий, а не постановочный. Развод не делал всю предыдущую жизнь ложью. Он только заставлял перестать использовать хорошие дни как доказательство того, что система работает.

— Ужинать будешь? — спросил Андрей.

— Уже ела в офисе.

— Я приготовил рыбу.

— Вчерашнюю?

— Она была свежая.

— Я не сомневалась в рыбе.

Он помедлил, потом коротко улыбнулся.

— Осталась половина. Можешь взять завтра.

— Это моя кухня, Андрей.

— Пока общая.

— Тогда не нужно выдавать мне разрешение на рыббу.
Он прикрыл глаза и покачал головой.

— Понял.

— Нет, пока запомнил. Поймешь позже.

Я взяла ноутбук и ушла в спальню. До понедельника нужно было подготовить три финансовых сценария для Ларисы, проверить договор с оценщиком и собрать документы для ЗАГС. В списке задач не было пункта «понять, хочу ли я развода». Пока я знала только одно: заявление мы подадим в среду.

Андрей сам спросил о дате. Я назвала ближайшую, на которую могла прийти без отмены клиентской встречи.

Седьмое октября.

ГЛАВА 3. Один месяц

Седьмого октября Андрей ждал меня у входа в отдел ЗАГС за десять минут до назначенного времени. Я приехала сама, поставила машину на соседней улице и прошла последние двести метров пешком. Он заметил меня сразу, убрал телефон и проверил часы.

— Доброе утро.

— Доброе.

— У нас прием в десять. Сначала нужно взять талон в первом окне, потом оплатить пошлину, если квитанция не прошла в системе.

— Я прочитала памятку.

— Я просто уточняю порядок.

— Порядок ты уточнил для себя. Мне не обязательно докладывать его у двери.

Андрей на секунду сжал губы, но спорить не стал.

— Хорошо. Идем?

Я вошла первой.

В приемной сидели две пары и мужчина с папкой документов. Никакой торжественной музыки, фотографов и цветов здесь не было. Обычные пластиковые стулья, стенд с образцами заявлений и автомат, который выдавал талоны. Андрей выбрал нужную услугу, посмотрел на меня и убрал ру-

ку от экрана.

— Нажмешь сама?

— Можем нажать вместе, если тебе нужна точная модель общего решения.

Андрей коротко улыбнулся и уступил место. Я получила талон. Мы сели рядом, оставив между собой свободный стул. У Андрея сегодня было совещание после обеда, поэтому он приехал в форме. Двое вошедших мужчин узнали его и поздоровались. Он ответил коротко, не представляя меня и не объясняя причину визита.

Я смотрела на номер над окном и думала, что могла бы встать. До подачи заявления брак оставался таким же, как неделю назад: неудачно устроенным, но действующим. Можно было сказать, что мне нужно больше времени, вернуться домой и потребовать разговора о двух городах.

Я представила этот разговор. Андрей согласился бы обсуждать график. Мы составили бы поездки на месяц вперед, определили расходы и дни встреч. Он сделал бы все, что я назову, потому что испугался последствий собственного решения. Через полгода мы снова оказались бы в той же точке: он отвечал бы за главное направление, я — за то, чтобы оно не разрушило остальную жизнь.

На табло появился наш номер.

Сотрудница проверила паспорта и свидетельство о браке. Она говорила спокойно, по пунктам, не спрашивая, кто виноват.

— Общих несовершеннолетних детей нет?

— Нет, — ответили мы почти одновременно.

— Оба согласны на расторжение брака?

Андрей посмотрел на меня. В этот раз не ответил первым.

— Да, — сказала я.

— Да, — повторил он.

Мы заполнили заявление. Я указала, что оставляю фамилию Бессонова. Сотрудница обратила на это внимание только потому, что должна была проверить графу.

— Фамилию после расторжения не меняете?

— Не меняю.

Андрей ничего не спросил. Для него это могло означать надежду, привычку или удобство. Для меня фамилия давно перестала быть только его. Под ней я получила диплом о втором образовании, зарегистрировала общество, подписала первые договоры. Возвращение к девичьей фамилии потребовало бы менять документы и объяснять клиентам решение, которое не имело отношения к работе. Я не собиралась доказывать независимость новой строкой в паспорте.

Сотрудница назначила государственную регистрацию на седьмое ноября и объяснила, что до этого дня брак продолжает действовать. Если мы не явимся или изменим решение, нужно будет уточнить дальнейший порядок. Она выдала памятку и проверила, что мы оба поняли дату.

— Вопросы есть?

— Нет, — ответил Андрей.

— У меня тоже.

Мы вышли через двадцать восемь минут после начала приема. Я заметила время автоматически: в одиннадцать у меня было интервью с кандидатом на должность финансового директора, дорога до офиса занимала около получаса.

— Я отвезу тебя, — сказал Андрей.

— Я на машине.

— Где поставила?

— На соседней улице.

— Тогда провожу.

— Зачем?

— Нам нужно согласовать переезд.

— Для этого есть телефон. У тебя совещание, у меня интервью.

Он убрал памятку в папку.

— Я посмотрел квартиру вчера. Договор могу подписать сегодня, заехать завтра вечером.

— Какие вещи заберешь сразу?

— Одежду, документы, книги из кабинета. Остальное позже по списку.

— Ключ пока оставь. До завершения описи ты должен иметь доступ к своим вещам. Только предупреждай минимум за два часа, если меня нет дома.

— Хорошо. Завтра приеду к семи. Подходит?

— Подходит.

Он кивнул и все же пошел рядом до перекрестка. Мы

остановились на светофоре среди людей, которые торопились на работу. Я убрала памятку в сумку.

— Ксении сообщим сегодня, — сказал Андрей. — Лучше после восьми, у нее закончится рабочий день.

— Позвоним вместе. Но не из управления и не из моего офиса.

— В восемь буду дома.

— Не опаздывай. У нее в десять поездка в аэропорт встречать поставщика, она говорила в воскресенье.

— Я помню.

Он действительно помнил. Андрей редко забывал то, что Ксения сообщала как факт. Он мог не спросить, устала ли она, но время рейса держал в голове.

Загорелся зеленый. Я перешла дорогу, Андрей остался на другой стороне: его машина стояла у здания. Мы не прощались специально. Просто разошлись к своим делам.

В офисе Лариса спросила, все ли прошло по плану.

— Заявление принято. Регистрация седьмого ноября.

— Значит, месяц.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я спрашивала, как ты?

— После интервью. До него хочу думать о кандидате, который в резюме три раза написал «повысил эффективность» и ни разу не указал цифру.

— Хорошо. В переговорной вода, запись включится только после согласия.

Мы вернулись к работе. Кандидат опоздал на семь минут, извинился и сразу объяснил задержку пробками, хотя приехал из соседнего квартала. На вопрос о результате он снова ответил общими словами. Я задавала уточнения, фиксировала примеры и в какой-то момент поймала себя на том, что слушаю не его, а собственный вчерашний разговор.

«Я хотел решить все вопросы».

Удобная фраза. В ней не было ни срока, ни человека, перед которым он отвечал за результат.

Я вернула внимание к интервью.

— Кто принял решение изменить порядок согласования платежей? — спросила я.

— Я предложил, руководство поддержало.

— Кто возражал?

Кандидат впервые назвал конкретного человека и причину. Разговор стал полезнее. После встречи я составила отчет и только тогда позволила себе открыть памятку из ЗАГС. Дата была напечатана крупно. Седьмое ноября, одиннадцать тридцать.

Я внесла ее в личный календарь без напоминания за неделю. Ни мне, ни Андрею такая дата не могла стать неожиданностью.

В восемь он пришел домой с минутной точностью. Ксения ответила по видеосвязи из своей кухни. На ней была толстовка с логотипом транспортной компании, волосы собраны, на столе стояла тарелка с недоеденным ужином.

— Вы оба в кадре, — сказала она. — Это хорошая новость или очень официальная?

Мы сидели на разных концах дивана. Андрей посмотрел на меня, оставляя начало мне.

— Официальная, — сказала я. — Мы решили развестись. Сегодня подали совместное заявление.

Ксения перестала жевать. Положила вилку.

— Уже подали?

— Да.

— Когда решили?

— Андрей предложил в пятницу. Я согласилась.

Она перевела взгляд на отца.

— Почему?

— Я заканчиваю службу и собирался работать в Москве, — ответил он. — Мама остается в Самаре. Я решил, что развод будет честнее.

— Ты решил?

— Мы согласились оба, — сказала я, прежде чем разговор превратился в допрос одного человека. — Но инициатива была папина.

Ксения отодвинула тарелку.

— В Москве кто-то есть?

— Нет, — ответил Андрей.

— Мам, ты ему веришь?

— Да.

— А работа точно есть?

— Есть предварительное предложение, — сказал он. — После увольнения подпишу договор.

— Ты переезжаешь когда?

— Завтра в съемную квартиру. В Москву — после оформления работы.

Ксения выдохнула и потерла лоб.

— Я не понимаю, что должна сейчас сказать.

— Ничего не должна, — ответила я. — Мы сообщаем тебе решение, а не просим его одобрить.

— Я могу общаться с вами отдельно?

— Конечно, — сказал Андрей.

— И мне не придется выбирать, к кому приезжать на Новый год?

Я посмотрела на дату в календаре на стене. До Нового года оставалось почти три месяца. Мы еще не знали, где будет жить Андрей и захотим ли вообще сидеть за одним столом.

— Мы не будем решать Новый год сегодня, — сказала я.

— Когда появятся планы, каждый пригласит тебя сам. Ты выберешь, как тебе удобно.

— А квартира?

— Пока я остаюсь здесь. Папа снимает отдельную. Имущество оценим и разделим соглашением.

— Вы уже все посчитали?

— Еще нет, — ответил Андрей. — Поэтому не будем загружать тебя цифрами.

— Спасибо. У меня своих хватает.

Она помолчала, потом спросила:

— Вы вчера перевели мне деньги по отдельности из-за этого?

— Да, — сказала я.

— Тогда просьба. Не передавайте через меня сообщения. Если папе нужно забрать документы, пусть пишет тебе. Если маме нужна справка, пусть не спрашивает у меня, когда папа свободен. Я все равно буду отвечать каждому, но секретарем работать не хочу.

— Договорились, — сказал Андрей.

— Договорились, — повторила я.

Ксения кивнула.

— Я позвоню вам завтра по отдельности. Сейчас мне надо собраться. И да, я расстроена. Просто у меня нет времени правильно расстраиваться перед аэропортом.

— Не существует правильного способа, — сказала я.

— Мам, только не начинай профессиональным голосом.

— Это был обычный.

— Значит, они у тебя слились.

Она улыбнулась слабо, но по-настоящему. Мы попрощались. После отключения Андрей еще несколько секунд смотрел на темный экран планшета.

— Она ожидала, — сказал он.

— Она видела, как мы живем.

— Я думал, мы не втягивали ее в наши проблемы.

— Мы не втягивали. Но она приезжала домой и видела,

что мы согласовываем выходные через календарь.

— У нее так же с работой.

— Она живет с подругой, а не с мужем двадцать четыре года.

Андрей закрыл планшет.

— Завтра я заберу вещи. Список пришлю утром.

— И адрес, когда подпишешь договор.

— Обязательно.

— Ксении сообщи сам.

— Я услышал ее просьбу.

Он ушел в кабинет. Я осталась в гостиной и впервые внимательно посмотрела на свободный стул между местами, где мы сидели. Пустой стул ничего не означал. Мы сами выбрали сесть на расстоянии, потому что так было проще выдерживать разговор.

На следующий вечер Андрей вынес из квартиры четыре коробки, два чемодана и сумку с документами. Водитель грузового такси помог донести вещи до машины, но в квартиру не заходил. Андрей проверил опись, подписал свой экземпляр и передал мне второй.

— Остались книги, зимняя одежда и часть архива, — сказал он. — Заберу после оценки, чтобы не менять состав имущества до осмотра.

— Ключ пока у тебя. Предупреждай о визитах.

— Адрес отправил тебе и Ксении.

Я проверила телефон. Меблированная однокомнатная

квартира в пятнадцать минут езды от управления. Договор на одиннадцать месяцев. Он выбрал жилье так, будто собирался оставаться в Самаре дольше, чем требовала последняя неделя службы.

— Почему на одиннадцать месяцев? — спросила я.

— Собственник не согласился на короткий срок. Если уеду раньше, предупрежу за месяц и потеряю залог.

— Понятно.

Андрей взял последний чемодан. На пороге остановился.

— Завтра прием. Ты точно не придешь?

— Точно.

— Формально ты еще моя жена.

— Именно поэтому не хочу стоять рядом и изображать продолжение, которого нет.

— Там будут спрашивать.

— Ответишь, что у меня работа.

— У тебя действительно работа?

— Да. Но даже если бы не было, ответ остался бы прежним.

Он кивнул, вышел и закрыл дверь. Через минуту пришло сообщение: «Вещи в машине. Ключ у меня. Следующий визит согласую».

Я поставила телефон на зарядку и прошла по квартире. В кабинете остались пустые полки и диван, который Андрей складывал каждое утро. В ванной исчезла половина вещей. На кухне все было прежним, кроме отсутствия человека,

который вечером открывал холодильник и спрашивал, что можно разогреть.

Я не испытала облегчения. Не испугалась. Просто проверила замок, включила посудомоечную машину и легла спать одна.

В календаре стояло седьмое ноября. До него оставался месяц.

Ни я, ни Андрей не просили убрать эту дату.

ГЛАВА 4. Без удостоверения

Девятого октября я провела шесть часов в переговорной и ни разу не открыла новости управления. Это потребовало меньше усилий, чем я ожидала. У «Состава» заканчивался проект для сети частных клиник: нужно было согласовать три финальных отчета, исправить расхождение в оценках и провести встречу с заказчиком. К шести вечера у меня болела спина, а в почте лежали двадцать семь непрочитанных писем.

Сообщение Ксении пришло в половине седьмого.

«Папа прислал фото с приема. Выглядит уставшим, но довольным. Я его поздравила. Ты нормально?»

Я ответила: «Да. Заканчиваю отчет. Позвони завтра, если будет время».

Не стала спрашивать, что Андрей сказал обо мне и кто стоял рядом на фотографии. Ксения просила не делать ее посредником. Любопытство не давало мне права обходить эту просьбу в первый же день.

Лариса зашла с распечаткой замечаний клиента.

— Можем перенести последнюю проверку на понедельник.

— Зачем?

— Сегодня у Андрея последний день.

— У меня сегодня рабочий.

— Я вижу. Еще вижу, что ты дважды проверила один абзац и пропустила ошибку в фамилии.

Я посмотрела на отчет. Вместо Головановой действительно стояла Голованова в одном месте и Голованина в другом. Ошибка была мелкой, но для меня необычной.

— Исправлю.

— Арина, я не предлагаю тебе плакать в комнате отдыха. Просто говорю, что мы успеем в понедельник.

— Заказчик ждет сегодня.

— Заказчик ждет до десяти утра понедельника. Сегодняшний срок поставила ты.

Я открыла календарь. Она была права. Я назначила внутреннюю готовность на пятницу, чтобы оставить запас.

— Тогда проверим утром, — согласилась я.

— Хорошо. Иди домой или куда хочешь. Только не переделывай в одиночку весь архив, чтобы не думать.

— У меня нет намерения переделывать архив.

— Значит, вечер уже складывается удачно.

Я закрыла ноутбук. В приемной никого не осталось. Мы с Ларисой выключили свет, поставили сигнализацию и разошлись на парковке. В машине я увидела пропущенный звонок от незнакомого московского номера. Голосовая почта была пустой. Перезванивать не стала.

Дома на столе лежала коробка. Андрей согласовал визит на четыре часа и забрал зимнее пальто, две пары обуви и

папки из шкафа. На коробке написал: «Твое. Было в моем архиве». Внутри оказались мои старые трудовые договоры, копии дипломов и фотография с первого переезда. Мы стояли на фоне служебного общежития: Андрей в куртке, я с трехлетней Ксенией на руках. На обороте было написано мое прежнее место работы и номер телефона отдела кадров.

Я убрала фотографию в семейную папку. Документы понадобятся оценщику только частично. Коробку разобрала за десять минут. Это был обычный архив, а не повод пересматривать брак до утра.

В субботу Андрей написал: «Нужно поговорить о московской работе. Не по телефону. Завтра в двенадцать удобно?»

Я сначала решила, что он подписал договор и назовет дату отъезда. Потом вспомнила, что окончательный документ должны были оформить после увольнения. Ответила: «В двенадцать тридцать. Кафе у делового центра. У меня встреча до двенадцати».

Он согласился.

В воскресенье Андрей уже сидел за столом, когда я вошла. Без формы он выглядел непривычно не потому, что костюм был новым. Исчез знак, который заранее объяснял людям, как с ним разговаривать. Официантка принесла ему меню и не узнала. Андрей поблагодарил, выбрал черный чай и стал ждать меня.

— Что случилось с работой? — спросила я после заказа.

— Я отказался.

Он положил на стол телефон с открытым письмом. Экран был повернут ко мне, но я не брала устройство.

— Почему?

— В пятницу мы согласовывали окончательный перечень обязанностей. Мальцев добавил работу с региональными органами и отдельный показатель по числу встреч с руководителями ведомств.

— Для советника по безопасности это может быть частью работы.

— Может. Я попросил уточнить, что означает результат встречи. Получил ответ.

Он прокрутил письмо. Имена и адреса были закрыты серыми полосами. В видимой части Евгений Павлович Мальцев писал об ускорении согласований, личном доступе и возможности решать вопросы до официального обращения. Формулировки оставались осторожными. Ни одной прямой просьбы нарушить закон. Но смысл должности стал понятнее.

— Они хотят твои связи, — сказала я.

— В основном их.

— Ты не понимал этого в июле?

— Понимал, что моя сеть контактов представляет ценность. Не понимал, что ее считают главным результатом.

— Почему не понимал? Как ты описывал свою будущую работу?

Андрей взял чашку, но не отпил.

— Стратегия безопасности, оценка рисков, построение взаимодействия между филиалами. Они соглашались. Конкретные показатели отложили до договора.

— Ты три месяца вел переговоры без перечня показателей?

— Да.

— Ты бы принял такого кандидата на руководящую должность?

Он посмотрел на меня прямо.

— Нет.

— Почему для себя сделал исключение?

— Потому что был уверен, что понимаю их ожидания.

— А они были уверены, что понимают твои возможности.

— Да.

Официантка поставила перед нами чай и кофе. Андрей дождался, когда она отойдет.

— Вчера я направил отказ. До подписания договора обязательств нет. Компенсацию они не требовали.

— Что ответил Мальцев?

— Что я слишком буквально воспринимаю деловую практику и мы можем вернуться к разговору через неделю.

— Вернешься?

— Нет.

— Ты сообщил юристу о последнем месте службы и возможных ограничениях?

— Сообщил. Их юрист прислал анкету. Но до проверки

дело не дошло.

Я отпила кофе. Андрей не просил совета. Отказ уже был отправлен. Раньше он показал бы мне готовый договор после подписи, как показал предложение о разводе. Сейчас принес последствия своего решения, но хотя бы не пытался оформить их как наши.

— Зачем ты рассказываешь это мне? — спросила я.

— Потому что московская работа была причиной, которую я назвал Ксении и тебе.

— Она была причиной развода?

— Она была обстоятельством.

— Хорошая замена слова.

— Я не хочу менять формулировки, чтобы выглядеть лучше. Работа дала мне повод принять решение, к которому мы давно шли.

— Мы шли или ты?

— Я. Ты согласилась.

Это был точный ответ. Он не понравился мне, но спорить с ним было нечего.

— Ты хочешь отменить развод? — спросила я.

Андрей поставил чашку.

— Я не имею права просить об этом только потому, что изменился мой план.

— Право попросить у тебя есть. У меня есть право отказаться.

— Ты бы отказала?

Я посмотрела на него. За неделю он потерял должность, завершил службу, переехал в съемную квартиру и отказался от обещанного места. Если бы я сказала, что готова попробовать, он вернулся бы сегодня. В кабинете снова появились бы рубашки, на кухне — его чашка, в календаре — обсуждение нового поиска. Мой прежний порядок восстановился бы быстрее, чем успели высохнуть подписи на заявлении.

— Да, — ответила я. — Сейчас отказала бы.

Он кивнул.

— Поэтому не прошу.

— Что будешь делать?

— Искать работу.

— Какую?

Андрей ответил не сразу.

— Управленческую. Связанную с рисками и операционной координацией.

— Это две разные области. Какой результат ты умеешь создавать для частной компании?

— Я тридцать лет управлял сложными системами.

— Это описание опыта. Я спросила о результате.

— Снижать потери, обеспечивать выполнение, координировать людей.

— Каких людей? Какие потери? За какой срок? Без права приказывать?

Он отодвинул чашку.

— Ты проводишь со мной интервью?

— Нет. На интервью я бы предупредила о критериях и записывала ответы. Ты сам сказал, что будешь искать работу. Я спросила, какую.

— Пока не знаю достаточно точно.

— Это честный ответ.

— И бесполезный для резюме.

— Для начала полезнее готового неправильного.

Он коротко усмехнулся.

— Я не прошу тебя составлять мне резюме.

— Хорошо.

— Но можешь сказать, где искать требования к таким должностям?

Я назвала два открытых сайта с вакансиями и ассоциацию руководителей по безопасности, которая публиковала исследования перехода из государственной службы в бизнес. Не стала упоминать внутренние материалы «Состава» или клиентов. Андрей записал названия в телефон.

— Спасибо.

— Это общедоступная информация.

— За нее тоже можно благодарить.

Мы закончили встречу через сорок минут. Андрей оплатил свой чай, я — свой кофе. На улице он спросил, нужно ли помочь с оценщиком во вторник.

— Ты будешь присутствовать, как договорились. Подготовь документы на машину и выписки.

— Подготовил.

— Тогда больше ничего.

Он не предложил проводить меня и не спросил, когда увидимся. Я дошла до машины одна. По дороге открыла рабочую почту: Лариса прислала финальную версию объявления для «ВолгаКонтур».

Холдинг искал директора по операционной устойчивости. В требованиях стояли управленческий опыт от десяти лет, руководство сложными проектами, готовность пройти независимую оценку и подтвердить отсутствие конфликта интересов. Заявки принимались через открытую форму до вечера двенадцатого октября.

Я проверила формулировки и написала: «Публикуем».

Мы готовили этот конкурс два месяца. Он не имел отношения к Андрею, его отставке и нашей встрече. В базе рассылки было больше трех тысяч адресов. Ссылка должна была уйти в понедельник утром кандидатам, отраслевым ассоциациям и партнерам.

В понедельник в десять объявление появилось на сайте «Состава».

К одиннадцати пришли первые заявки. Их принимала система, к которой у трех сотрудников был доступ по ролям: координатор проверял комплектность, Лариса распределяла оценку, я видела общий счетчик и могла открыть материалы до формирования списка. Мы заранее разделили этапы, чтобы ни один консультант не мог допустить знакомого кандидата без второй проверки.

В полдень Сергей Михайлович Ардатов подключился к видеовстрече. Его интересовало, хватит ли шести недель и не отпугнет ли сильных руководителей длинная процедура.

— Сильного кандидата отпугивает бессмысленная процедура, — сказала я. — У нас каждый этап связан с будущей работой. Предварительная проверка, интервью, две командные задачи, итоговый план. Сроки опубликованы сразу.

— А если появится человек, которого совет знает и готов взять без упражнений?

— Вы можете закрыть конкурс и назначить его своим решением. Тогда наша оценка вам не нужна.

Ардатов помолчал, затем кивнул.

— Нет, конкурс проводим. Я хочу иметь основания, а не только рекомендации.

Мы утвердили состав комитета. Кроме Ардатова туда входили руководитель по персоналу, операционный директор, независимый член совета и Константин Леонидович Чумаков, представлявший одного из собственников. Чумаков на встречу не пришел, но его помощник подтвердил участие.

После разговора Лариса закрыла ноутбук.

— Он еще три раза спросит, нельзя ли взять известного человека без оценки.

— Пусть спрашивает. Ответ будет тот же.

— И все же ты хорошо держишься.

— Мы обсуждали договор.

— Я говорю не о договоре.

— Тогда у тебя нет данных для оценки.

— Вот теперь точно хорошо держишься.

Она ушла к координатору, а я открыла календарь. Во вторник оценщики должны были осмотреть квартиру и машину, в среду — получить документы по «Составу». Андрей прислал сканы заранее и отдельно написал, что заберет оставшиеся книги в четверг с восьми до девяти вечера. Он согласовывал визит, как я просила. Я ответила одним словом: «Подходит».

В шесть часов счетчик показывал сорок три заявки. Име-на я не открывала. На этом этапе мое участие не требовалось, а читать резюме из любопытства было плохой рабочей привычкой. Я проверила только отчет о сбоях: все формы сохранились, согласия на обработку данных получены, дубли отмечены.

Закрывая офис, я подумала, что Андрей мог бы подойти под формальные требования. У него был управленческий стаж, опыт координации и ответственность за сложные процессы. Но утром он не смог ответить на простой вопрос о результате без ссылки на тридцать лет службы.

Эта мысль не стала основанием позвонить ему. Я занималась оценкой имущества, своим контрактом и жизнью после его решения.

Мне не пришло в голову, что Андрей увидит объявление и заполнит форму как обычный кандидат.

ГЛАВА 5. Фамилия в списке

Во вторник к девяти утра в конкурсе было сто восемь заявок. Координатор отклонил двенадцать: не хватало обязательных документов или управленческого стажа. Остальные мы с Ларисой должны были распределить для проверки соответствия базовым требованиям.

Я успела открыть пять анкет. Шестую Лариса взяла себе, посмотрела на экран и сразу убрала руки с клавиатуры.

— Не открывай следующую, — сказала она.

Я остановила курсор над строкой.

— Почему?

Лариса повернула монитор. В списке стояло: «Бессонов Андрей Вадимович». Рядом — время подачи, двадцать один час сорок семь минут двенадцатого октября. За тринадцать минут до закрытия формы.

— Ты знала? — спросила она.

— Нет.

— Он говорил о вакансии?

— В воскресенье спрашивал, где искать требования к гражданским должностям. Я назвала открытые сайты и ассоциацию. Про наш конкурс не говорила.

— Рассылка ушла на ассоциацию.

— Значит, мог увидеть там.

Лариса не нажимала ни на одну ссылку.

— Анкету ты не открывала?

— Нет. Увидела имя в реестре. Система это зафиксировала.

Я посмотрела на правый верхний угол. Под моей учетной записью оставалась открыта общая таблица, где следом за фамилией Бессонова шли еще девять кандидатов. Его резюме, мотивационное письмо и приложения были закрыты.

— Выходим обе, — сказала я. — Сделаем снимок журнала доступа, временно остановим распределение. Координатор не должен открывать анкету, пока не решит комитет.

Лариса кивнула. Мы вышли из системы, вызвали специалиста, который отвечал за разграничение доступа, и попросили сформировать отчет за утро. В нем было видно: я открыла пять заявок, Лариса увидела только реестр шестой, вложения никто не просматривал.

— Формально он еще твой муж, — напомнила она, когда специалист ушел.

— До седьмого ноября.

— Для конфликта интересов разницы нет. Даже после развода он останется человеком, с которым у тебя имущество и двадцать четыре года общей жизни.

— Я подам письменное раскрытие и отстранюсь от его оценки.

— Можно отклонить заявку.

— На каком основании?

— Риск для конкурса.

— Это риск для нас. Он подал заявку в срок и соответствует формальным требованиям, насколько видно из реестра. Если отклоним только из-за брака, дадим другому кандидату повод спросить, какие еще личные решения мы принимаем вместо критериев.

— Тогда клиент может снять нас целиком.

— Может.

Лариса оперлась локтями о стол.

— Ты готова отдать мне весь проект?

— Да.

— Не только оценку Андрея. Весь проект: интервью, сессии, отчеты, встречи комитета. Иначе ты будешь знать его результат через общий доступ.

Два месяца я строила методику, договаривалась с Ардатовым, собирала внешних оценщиков. Гонорар по проекту составлял почти четверть осенней выручки бюро. Руководство таким контрактом было важнее денег: «ВолгаКонтур» мог дать рекомендации другим компаниям. Передать проект означало отказаться от работы, за которую я уже отвечала перед командой.

— Да, — повторила я. — Весь проект.

— Тогда я соглашусь только при двух условиях. Первое: внешний аудитор проверяет все решения по Андрею. Второе: твою часть руководительского вознаграждения перераспределяем мне и Денису. Не потому, что я хочу заработать на твоём разводе. У нас станет больше работы.

— Справедливо.

— И третье, — добавила она.

— Ты сказала два.

— Третье бесплатное. Если поймешь, что не выдержи-
ешь, говоришь сразу. Не открываешь систему ночью, не про-
сишь координатора пересказать и не угадываешь баллы по
выражению моего лица.

— По твоему лицу можно угадать только качество утрен-
него кофе.

— Сегодня кофе хороший. Значит, у тебя нет данных.

Мы составили уведомление. Я указала факт брака, подан-
ное заявление о разводе, продолжающееся имущественное
урегулирование и отсутствие предварительного разговора о
вакансии. Отдельно перечислила действия после обнаруже-
ния фамилии: доступ остановлен, вложения не открывались,
журнал сохранен.

Клиентский комитет собрали в три часа. В переговорной
находились мы с Ларисой и юрист по договору. Ардагов, ру-
ководитель по персоналу и Чумаков подключились по видео-
связи. Операционный директор прислал письменную пози-
цию: допускать кандидата при полном отводе Арины.

Я изложила факты и замолчала. Первым заговорил Чума-
ков.

— Мы обсуждаем генерала Бессонова?

— Мы обсуждаем кандидата Андрея Вадимовича Бессо-
нова, — ответила Лариса. — Звание указано в резюме, ко-

торого мы пока не открывали.

— Я его знаю по публичной работе. Нам повезло, что он вообще подал заявку.

— Возможно, — сказал Ардатов. — Но вопрос сейчас не в качестве кандидата.

— В качестве тоже. Отклонять такого человека из-за семейной связи с подрядчиком глупо.

— Автоматически допускать по той же причине не лучше, — заметила я.

Чумаков посмотрел в камеру.

— Арина Николаевна, вы сможете быть объективной?

— Именно поэтому я не буду оценивать его.

— А бюро сможет?

— Сможет, если комитет утвердит отвод и внешний контроль. Лариса Игоревна возглавит проект. Мой доступ к кандидатским материалам будет закрыт, решения по вашему мужу проверит Денис Лапшин и еще один внешний эксперт.

— Бывшему мужу, — поправил Чумаков.

— Пока действующему. Регистрация развода назначена на седьмое ноября.

Руководитель по персоналу сделала запись.

— Предлагаю три варианта, — сказала она. — Первый: отклоняем кандидата по причине неустранимого конфликта. Второй: прекращаем договор с «Составом» и переносим оценку другому подрядчику. Третий: персональный отвод Арины Николаевны, независимый контроль и раскрытие

всем участникам на вводной встрече.

— Перенос сорвет срок минимум на месяц, — сказал Ардатов. — Другой подрядчик не примет нашу методику без проверки.

— Отклонение кандидата тоже придется обосновать, — добавил юрист. — В утвержденных правилах семейная связь с сотрудником подрядчика не указана как автоматическое основание. Есть обязанность раскрыть и урегулировать конфликт.

— Тогда третий вариант, — решил Ардатов. — При условии, что сам кандидат письменно согласится с процедурой.

— И остальные кандидаты будут уведомлены, — сказала Лариса. — Без деталей личной жизни. Только факт связи, отвод и меры контроля.

Чумаков усмехнулся.

— Устроим человеку испытание на честность еще до первого задания.

— Устроим одинаковый конкурс, — ответила я. — Это наша работа.

Решение приняли большинством. Чумаков голосовал за допуск без дополнительных мер, но его вариант не поддержали. Я подписала протокол электронно и сразу передала Ларисе роль руководителя. Специалист изменил права доступа: раздел с кандидатами исчез из моего кабинета. Я могла видеть общий календарь, счет выставленных этапов и документы по договору, но не анкеты, индивидуальные оценки и

записи интервью.

— Проверим, — сказала Лариса.

Она попросила меня открыть ссылку на реестр. Система показала сообщение: «Недостаточно прав».

— Хорошо, — сказала я.

— Точно?

— Плохо. Но правильно.

Мы пересчитали бюджет. Моя проектная выплата уменьшалась на девяносто тысяч рублей, расходы на внешнюю проверку росли еще на сто двадцать. Для общества это не было убытком: клиент согласился оплатить аудит как дополнительную меру. Для меня лично развод впервые получил цену в рабочей таблице.

Я подписала приказ о перераспределении функций. В нем не было слов о доверии и браке, только фамилии, полномочия и даты.

Лариса сама связалась с Андреем. По условиям прозрачности первый разговор проходил при юристе и записывался с согласия всех участников. Я присутствовала только потому, что должна была подтвердить отвод, после чего выйти.

Андрей подключился из съемной квартиры. За его спиной была светлая стена и часть книжного шкафа. Он надел очки, прочитал уведомление на экране и спросил:

— Кто увидел мою заявку до ограничения доступа?

— Лариса Игоревна увидела фамилию в реестре, — ответила я. — Вложения не открывались. Я просмотрела пять

предыдущих анкет. Журнал приложен.

— Понял.

Лариса перечислила условия: я не участвую в оценке, не получаю результаты, не присутствую на закрытых обсуждениях; его материалы проверяют два эксперта; сведения об урегулированном конфликте сообщают другим участникам.

— Если я сниму заявку, вопрос исчезнет? — спросил Андрей.

— Для конкурса — да, — сказала Лариса. — Но мы не требуем снятия. Решение за вами.

Он посмотрел не на меня, а в документ.

— Мое участие создает риск для бюро?

— Создает, — ответила я. — Поэтому я отстранена. Риск не равен запрету.

— Ты хочешь, чтобы я отказался?

Юрист поднял голову. Лариса ничего не сказала. Вопрос был личным, но ответ должен был остаться в рамках процедуры.

— Мое желание не является критерием, — сказала я. — Если вакансия вам подходит, вы вправе участвовать. Если рассчитываете на мою помощь или информацию, ее не будет.

— Я не рассчитываю.

— Тогда ответьте Ларисе Игоревне.

Андрей перечитал последний пункт и поставил электронную отметку согласия.

— Я принимаю условия.

— Подтвердите, что не будете обсуждать задания, оценки и ход конкурса с Ариной Николаевной вне общих встреч, — попросила Лариса.

— Подтверждаю.

— Вопросы по процедуре направляете координатору. Личные имущественные вопросы решаете отдельно и не через рабочую почту бюро.

— Понял.

Я подтвердила свой отвод. Запись сохранили в проектном архиве.

— Арина, ты можешь выйти, — сказала Лариса. — Дальше я проверю комплектность заявки.

Я поднялась.

— Удачи всем кандидатам, — произнесла я и сразу поняла, насколько официально это прозвучало.

Андрей едва заметно кивнул.

— Спасибо.

Я вышла из переговорной и закрыла дверь. Через стеклянную вставку было видно Ларису, но экран ее ноутбука находился под углом. Я могла вернуться в свой кабинет, заняться коммерческим предложением и не думать о том, что она сейчас читает резюме человека, с которым я прожила больше половины жизни.

Вместо этого пошла на кухню, налила воду и остановилась у стола. Раньше Андрей просил меня проверить его публичные выступления. Я убирала длинные вводные, заменяла

ведомственные сокращения, спрашивала, что он хочет сказать людям. Он принимал половину правок, вторую половину возвращал. Мы ни разу не называли это моей работой. Это была помощь жены.

Теперь я не знала, как он описал тридцать лет службы в четырех страницах резюме. И не должна была знать.

Через сорок минут Лариса вошла в мой кабинет с пустыми руками.

— Не спрашивай, — предупредила она.

— Он допущен по формальным требованиям?

— Это процессуальный вопрос. Да, допущен. Индивидуальные выводы не обсуждаю.

— Я и не собиралась.

— Собиралась. Просто удержалась.

— Для начала достаточно.

Она положила передо мной новый календарь. Вводная встреча была назначена на пятнадцатое октября. Моя роль ограничивалась приветствием, представлением общих критериев и публичным сообщением об отводе. После этого я должна была покинуть зал.

— Подпиши, — сказала Лариса. — И забудь пароль от кандидатского раздела.

— Я его помню.

— Тогда радуйся, что система умнее нашей памяти.

Я подписала календарь.

Вечером я открыла два отчета оценщиков. Квартира

предварительно стоила четырнадцать миллионов восемьсот тысяч. Машина — два миллиона двести. Оценка доли требовала еще недели. Я открыла письмо Виктории и занялась цифрами.

Андрей не написал ни одного личного сообщения. Я тоже. Между нами появился документ, который запрещал обсуждать важнейшую для него работу. В старом браке я знала о его должности меньше, чем хотела. Теперь право не знать было моей профессиональной обязанностью.

ГЛАВА 6. Право на отвод

Вводную встречу назначили на девять утра. Я приехала в деловой центр в семь сорок пять, хотя моя часть занимала меньше получаса. Лариса уже проверяла рассадку, Денис Лапшин подключал ноутбук к экрану, координатор раскладывал на столе карточки с именами кандидатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.